

АНТОНИНА ЛЕОНТЬЕВНА
МИСЬКО

Воспоминания

Антонина Мисько

Воспоминания

«Издательские решения»

Мисько А. Л.

Воспоминания / А. Л. Мисько — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981741-9

Это моя короткая летопись, часть всего прожитого. Но она всегда жива. Говорят: «все поросло быльем, все проходит». Нет, ничего не проходит бесследно. Все остается со мной.

ISBN 978-5-44-981741-9

© Мисько А. Л.
© Издательские решения

Воспоминания

Антонина Леонтьевна Мисько

© Антонина Леонтьевна Мисько, 2020

ISBN 978-5-4498-1741-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как много лет прошло с тех пор!
Как много изменилось для меня!
Сама покорна общему закону,
Переменилась я.

Посвящаю моей единственной внучке Дашеньке.
Март 2011.

Свою родословную я знаю из рассказов моей двоюродной тетушки Натальи Сергеевны Евдокимовой, которая прожила долгую жизнь (более 100 лет), и до самой кончины сохранила живой ум и светлую память. Умерла 40 лет назад в станице Цимлянской, Ростовской области. Я постараюсь припомнить все, что услышала от нее и кое-что из рассказов моего отца, с максимальной последовательностью.

Слева- Наталья Сергеевна, ей 17 лет. Рядом-Иван Павлович Евдокимов (родной брат моего отца). Сидит-Лукерья Карповна-жена Астаха Сергеевича Евдокимова, двоюродного брата моего отца.

Начну с известного моего предка Евдокимова Сергея Трофимовича, рождения 1787 года. Он был участником Отечественной войны 1812 года. Сражался с французами в кавалерийском казачьем полку под началом атамана Платова и Дениса Давыдова. За боевые заслуги, бесконечную отвагу, доблесть и верность Престолу, был награжден серебряной шашкой и «Поясом Александра Невского», которые теперь хранятся в Новочеркасском Казачьем музее. А после победы над Наполеоном, царь Александр I пожаловал ему дворянский титул.

Все последующие поколения очень гордились военной славой своего знаменитого предка. Его сыновья, Стефан Сергеевич и Федот Сергеевич, продолжали традиционно служить в кавалерии, охраняя ближневосточные рубежи нашей Родины и мирную жизнь от кавказских набегов.

Примерно 1920 год. Стефан Сергеевич (с бородой) и Федот Сергеевич

Так уж исторически сложилось, что каждый донской казак от рождения и на всю жизнь был обречен служить Отечеству, не отрываясь от седла. Их девиз: «преданность- Богу, верность -Отчизне, жизнь- государю, честь -никому!».

Дед мой, Павел Миронович, был коннозаводчиком. Он занимался выращиванием замечательных донских скакунов для российской армии.

Надо заметить, что каждый новорожденный мальчик получал земельный надел и закреплялся за определенным казачьим полком.

Отец мой, Евдокимов Леон Павлович, рождения 1909 года, был младшим ребенком в семье. Его старшие братья, Григорий, Терентий и Иван, также занимались лошадьми. А единственная их сестра, Прасковья, была общепризнанной красавицей и ее еще в юном возрасте выдали замуж за богатого и зажиточного человека, Каймачникова Егора Ивановича. В будущем, наши с ней судьбы оказались одинаково трагическими...

Когда грянула революция, мой отец был еще совсем ребенком.

О маминых родственниках я знаю еще меньше. Мне известно, что дед ее был крупным землевладельцем, а сыновья его служили в Петербурге в придворном казачьем полку (в царской охране). А мамин отец был полковым врачом и прослужил 25 лет.

Отец моей мамы, Василий Яковлевич Клейменов, на лечении в Кисловодске после ранения. 1915 год.

Один из его братьев, Яков, имел чин полковника (сочувствовал большевикам), но его после революции расстреляли, как и его двоюродных братьев, Алексея и Ивана. У них был конный завод и несметные стада баранов, которые на вольных степных пастбищах охранялись пастухами-калмыками.

Бабушка Дуня, их мать, не вынесла горя и умерла.

После революции на Дон хлынули любители легкой наживы под девизом «Грабь награбленное». Врывались в зажиточные дома, беззастенчиво убивали, насиловали, вывозили все, что видели. Бабушка рассказывала, как она в ужасе пряталась в чулане и в щелку смотрела на происходящий кошмар. Грабители и убийцы не стеснялись ни стариков, ни детей.

Некогда богатейшая станица Цимлянская (ныне город Цимлянск) была настоящей жемчужиной Дона. Вокруг нее были бескрайние сады и виноградники, знаменитое, воспетое поэтами, цимлянское вино, так полюбившееся представителям новой власти. В Дону ловились огромные осетры, сазаны, рыбцы, шамая. Все эти богатства беспощадно растаскивались, имения разорялись, пытавшихся защитить свое добро убивали.

Шла кровавая расправа над казачеством. Шла гражданская война.

После того, как жизнь в родной станице потеряла всякий смысл, отцовские братья разлетелись кто куда по городам и весям. Мой малолетний отец остался со стариком отцом в полной нищете и разорении, а вскоре их выгнали из родного дома. Он переехал в соседний хутор, снял домик-флигелек, вступил в Коммуну. А когда началась организация колхозов, всеобщая коллективизация, его познакомили с моей мамой, девочкой из такой же разоренной семьи, тоже из Цимлянской. О ее родственниках я уже рассказывала. Обвенчали их быстро в местной церкви. И уж потом она вспомнила, что видела его на скачках, когда ей было 13 лет, а ему 14:

он стоял на пьедестале почета и победно держал кубок. Ей сказали тогда, что это Левка Евдокимов. Он принял эстафету победителя после своего брата Григория, который на протяжении многих лет держал лавры чемпиона верховой езды. Мама моя, Ольга Васильевна Клименова, тоже выросла в седле, в отличие от своих сестер, которые окончили ростовскую гимназию и работали учительницами в младших классах. Это мои тети: Ира и Шура. К тому времени они обе были замужем. Тетя Шура жила в Таганроге, а Ира в станице Константиновской. Муж ее был тоже учитель, он преподавал математику в той же школе.

Эту фотографию в 1934 году прислала тетя Ира. На фото-наши разоренные раскулачиванием родственники: внизу слева-тетя Ира с мужем Иваном, а справа-их дочь, Людмила. Над Люсей сидит дедушкина сестра-тетя Поля. Рядом с Люсей справа-бабушкин муж, дедушка Миша. За ним стоит мамин родной брат Георгий, погибший на войне. За тетей Ирой и дядей Ваней стоит мамина двоюродная сестра тетя Оля, которая остаток жизни провела в Австралии.

Итак, мои бедные родители ждали моего рождения. Мама вела немудреное хозяйство, а отец работал на какой-то стройке плотником. Появиться на свет мне помогла местная повитуха (родильного дома там не было и в помине).

Слава Богу, который наградил меня хорошей жизнеспособностью, а мою маму молоком, которым можно было прокормить и трех младенцев.

На фото мне 6 месяцев.

Ах, как скоро мне это пригодилось!

Однажды, февральским утром (мне уже было около года), к нам явились грозные обладатели кожаных курток и тяжелых маузеров и потребовали отца. Но он был уже на работе. И моя бедная мама, по своей наивности, побежала его искать, привела, и он тут же был взят под стражу. Никакого суда, ни следствия, ни предъявления какого-либо обвинения, просто ссылка в неизвестном направлении. А что нет за ним никакой вины, так это никого не интересовало. Главное, выполнить план по репрессиям.

И вот, мама, как жена декабриста, хватает меня-крошку и спешит к отцу, чтобы не опоздать к отправке эшелона. Дальше длинный, мучительный путь в нетопленных вагонах. Началась эпидемия дифтерии. Дети, лишённые элементарных человеческих условий, умирали десятками. Их выносили и так оставляли на снегу.

На какой-то станции, вблизи Урала, маму высадили со мной умирающей и поместили в маленькую сельскую больницу. Мама рассказывала, что меня не хотели принимать из-за полной безнадежности, но она умолила главного врача, и он позволил остаться только до утра. Температура почти 42°C. Шеи совсем нет. Все- сплошной красный комок. К утру выкатили меня в коридор, чтобы освободить место в палате для того, кто не безнадежен. Моя юная мама сидела возле меня в ожидании конца и горько плакала. И вдруг, о чудо! На лбу моем выступили капельки пота, краснота стала заметно спадать и я открыла глаза. Врачи долго удивлялись такой выносливости маленького человека. И это беспрецедентный случай в их практике.

Потом нас с мамой под конвоем доставили к месту назначения. Это северный Урал. Совершенно глухая тайга. Сосны и кедры такой высоты, что не видно верхушки. Высадили нас на берегу реки Низьвы. Работоспособным было приказано начинать вырубку леса, расчищать место для строительства поселка. Привезли лесопильню, необходимый инвентарь и началась

работа. А пока жили в шалашах их хвойного лапника. Домики строили из кругляков, каждый на 2 семьи с двумя входами с улицы. Поселок тоже Низьва, по названию реки.

Построили жилища, начальную школу, здание интерната, резиденцию коменданта, человека полуграмотного, тупого и жестокого, который нас за людей не считал. Он был «грозен» в своей кожаной тужурке с наганом. Мы были объявлены врагами народа, достойные всяческого презрения. За пределы поселка не имели права сделать и шагу без письменного разрешения коменданта. Он давал такой пропуск далеко не всем и не всегда. Это зависело от его настроения. А отлучаться было необходимо, чтобы в ближайшей деревне обменять что-нибудь из вещей на картошку или кусок хлеба.

Когда строительство было завершено, возвели мост через реку. Низьва- это очень полноводная и быстрая река. Вода в ней совершенно ледяная, но мы все равно купались. Потом выскакивали и кутались в ватники, чтобы согреться и снова кинуться в воду. Иной раз ноги сводило судорогой от холода. И еще были очень опасные водовороты. Одну нашу подружку засосало в такую воронку. Спасти не смогли. Но все это было, когда я подросла.

На противоположном берегу были лужайки для сенокоса, но это для будущего. А пока, все трудоспособное население отправлялось на лесоповал и сплав древесины по большой реке. Это около 70 км от нашего поселка. Остаются старики и дети. Осталась и моя беременная мама. Где-то через пару месяцев у меня родился братик, назвали Сашей. Едва ему исполнилось пол года, его забрали в интернат вместе со мной, а маму отправили на лесоповал. Женщины там обрубали сучья с поваленных деревьев и сжигали. Все это по пояс в снегу. Вот там и оставила моя мама свое здоровье и потом всю жизнь болела. А мой маленький братик умер от голода. Кормили нас в интернате исключительно похлебкой из мороженой капусты, для грудного младенца пища совсем не подходящая. Да кого это интересовало! Нам, детям постарше, здоровья тоже не прибавляло. Все мы были рахитичны, заторможены, со слабым развитием. В неделю раз, один из родителей имел право навестить ребенка. Я очень хорошо помню, с каким трепетным волнением ждала воскресенья, когда мама или папа принесут сухарик или кусочек сахара (сэкономленного из собственного пайка). Съесть это нужно было немедленно, хоть очень хотелось продлить удовольствие. Иначе потом отнимут.

Воспитатели, местные чалдонки, обращались с нами как с животными. А как иначе, дети врагов народа не имеют права на приличное отношение, это просто мусор. Спустя много лет, я узнала, как эти волчицы нас обворовывали. Нам полагался определенный паек в виде хлеба, рыбы и сахара. Но при отсутствии какого-либо контроля, мы этого не видели.

В 1936 году у меня появилась сестра Рая, которая сумела прожить до 11 месяцев и тоже умерла.

Хорошо помню день открытия в нашем поселке пекарни и свободной продажи хлеба. Правда хлеб этот был весьма низкого качества и, по теперешним меркам, вовсе не съедобным. Но нам он казался настоящим лакомством.

В 1937 году началась страшная эпидемия детской кори. Медицинского надзора почти не было, всего один фельдшер, который совершенно не справлялся с такой массой маленьких пациентов. Болезнь эта выкосила почти всех оставшихся от голода детей.

Однажды я навестила свою родственницу, больную ровесницу и она угостила меня кусочком настоящего белого хлеба. Никогда не забуду этот вкус. Он показался мне волшебным. Этот хлебушек был испечен специально для больных детей.

Я уже упоминала, что была у нас начальная школа и несколько человек ее посещали. Во всех классах, когда пошла я в первый класс, было примерно 15—16 человек. На всех была одна учительница, малообразованная местная чалдонка из соседней деревни. Нас она презирала и называла вражескими ублюдками. Местное население было настроено властями считать нас людьми последнего сорта.

Когда нас привезли в эту тайгу, семьи в основном были многодетными и до 1937 года от страшного голода вымерли почти все старики и дети. Работающее население на лесозаготовках получали паек, а немощные иждивенцы были обречены на вымирание.

Я помню (или отложился мамин рассказ), о том, как однажды двое слабых стариков попросились к нам на квартиру (папы как всегда не было дома). А эта пара немощных не могла заготовить дров для отопления своего жилья, и были они очень голодны. Мама их пожалела и выделила им уголок жилья. В соседней деревне она обменяла последнее колечко на картошку, и мы лакомились ею каждый день по одной картофелине. Каждое утро мы с мамой уходили: я в интернат, а мама работала уборщицей в школе. Однажды соседка сказала ей, что когда нас нет дома, наши квартиранты едят нашу картошку. Мама не смогла поверить, но однажды, неожиданно вернулась домой и увидела, что старички наши сидят за столом и перед ними чугунок с вареной картошкой. Они естественно повалились в ноги к маме с просьбой простить их. Но тут уж стала дилемма: кому выживать, нам или им. И мама с ними простилась, хотя очень плакала и просила их простить ее. Но у нее не было выбора. Вскоре эти старички умерли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.